

ческая самостоятельность Томаса Манна тут очевидна. Но очевидна и та поддержка, которую он получил от Достоевского. Пользуясь этой поддержкой, Томас Манн нашел свои, сильнодействующие художественные средства для того, чтобы распознать природу зла и заклеймить его.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ. «СЛОВО О ЧЕХОВЕ»

В период второй мировой войны Томас Манн каждый месяц обращался по радио к своим соотечественникам в гитлеровской Германии, стараясь пробудить в них чувство реальности и гражданскую совесть. В речи, произнесенной в апреле 1942 г., писатель высказал мысли, к которым пришел в итоге долгого жизненного опыта. Не войны, не захваты чужих земель, а революции — вот что движет историю вперед. Современное человечество стоит под знаком социальной революции. «Россия совершила подлинную революцию, и это вдохновляет ее теперь на отпор нацистскому нашествию, вызывающий восхищение всего мира...»

У Томаса Манна возникло желание обратиться к советскому народу, выразить свои чувства уважения и симпатии к нему. Он адресовал свое послание Алексею Толстому, с произведениями которого он познакомился еще давно, в начале 20-х годов (в статье «Русская антология» А. Толстой назван «экспрессионистским Гоголем»).

Письмо Т. Манна А. Толстому на немецком языке не публиковалось. Приведу это письмо в том переводе (от части — сокращенном изложении), в котором оно было напечатано в советской газете «Литература и искусство» 22 мая 1943 г.

«Я приветствую вас, — пишет Томас Манн, — и весь великий русский народ, перед подвигами и страданиями которого я склоняю голову в глубоком благоговении и восхищении. Я приветствую вас из страны, чья сравнительная безопасность и отдаленность от фронтов войны заставляет некоторых, более чутких граждан испытывать болезненное чувство в связи с бременем, которое Россия продолжает нести ради нас всех. Легко сказать,

что, мол, Россия борется и страдает не ради нас, что у нее с западными демократическими странами лишь общий враг, что она истекает кровью и одерживает победы только ради себя самой. Однако этот подлый враг России не является случайным врагом, он является врагом всего человечества. Бесспорен тот факт, что Россия борется не только ради себя самой, но и ради свободы всех людей, хотя ее социалистическая идея свободы отличается от идеи свободы западных демократических стран. Русская революция, из которой русский народ черпает материальную и идейную силу для своих нынешних подвигов, независимо от того, относится ли кто-либо положительно или с боязнью к результатам этой революции, представляет собой часть великого стремления человечества к социальному прогрессу. Это была подлинная, честная, глубоко великодушная революция, которая обеспечила колоссальный материальный и интеллектуальный взлет русской жизни».

«Русский социализм,— продолжает Манн,— принадлежит человечеству, сфере духа ~~свободы~~, из которой ни один народ не может сознательно исключить себя без того, чтобы не стать жертвой преступного духовного помрачения». По словам Манна, отдельные лица или группы опасаются Советского Союза и социализма, потому что они боятся демократии. Он предупреждает, что боязнь демократии и социализма ведет к профашизму. Отдельные лица и группы в США, «покровительствующие фашизму», оказывают некоторое влияние, «однако американский и английский народы питают глубочайшую симпатию к России. Американская интеллигенция добилась значительных результатов в борьбе за у становление дружественных отношений с Россией».

В заключение Томас Манн дает высокую оценку деятелям русской литературы и искусства.

Понятно, что это письмо Томаса Манна было не только актом солидарности с советским народом, но и актом борьбы против реакционных профашистских группировок, которые и во время войны с Гитлером не представляли действовать в США.

Чем яснее обозначались контуры победы Советского Союза над фашистской Германией, тем больше крепло у Томаса Манна убеждение, что в этой победе обнаруживается историческое превосходство сил социализма

над силами капиталистической реакции. В речи, произнесенной в Библиотеке конгресса США в октябре 1943 г., Т. Манн заявил, что трудно представить себе будущее «без коммунистических черт», и назвал страх перед коммунизмом «главной глупостью нашей эпохи». (Обе эти формулировки повторялись потом не раз в его статьях и письмах послевоенных лет).

Давняя любовь Томаса Манна к «святой» русской литературе обрела теперь новый смысл и новые оттенки: ведь это была литература народа, разгромившего фашизм.

В 1949 г. Томас Манн приехал на время в Европу, побывал и в Западной, и в Восточной Германии (незадолго до провозглашения Германской Демократической Республики). В газете «Теглихе Рундшау», издававшейся в демократическом Берлине, появилось большое интервью Т. Манна, в котором он выражал благодарность «великой русской литературе». Он назвал имена любимых им русских писателей — Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, особо отметил Лескова, автора «Леди Макбет Мценского уезда», который, как мастер рассказа, заслуживал бы, по мнению Т. Манна, не меньшей славы, чем Достоевский». «Чтение этих великих русских прозаиков XIX века», сказал он, было важнейшим элементом моего литературного образования и осталось им по сей день». Томас Манн вспомнил и то, как он во время работы над «Будденброками» ежедневно перечитывал Толстого, и это укрепляло его творческие силы. «Нельзя забыть и Чехова, — это, в некотором роде, русский Мопассан, но он значительнее и выше, чем Мопассан. Особую привязанность чувствовал я к Тургеневу». И Томас Манн добавил, что, если бы он был сослан на необитаемый остров и мог бы взять с собой только шесть книг, то обязательно взял бы «Отцы и дети».

По-новому — яснее, с большей глубиной, чем в прежних своих высказываниях, оценил Т. Манн значение Горького. «Он несомненно — большое явление мировой литературы, — он первый познакомил меня с русской революцией, да и не только меня, но и всю Европу. От него исходит обновление, которое еще долго будет оказывать воздействие». Отвечая на вопросы журналиста, Томас Манн отметил то влияние, которое оказал Горький на его этюд «Гёте и Толстой». «То, что я там старался высказать о Толстом, не было бы мыслимо без

воспоминаний Горького, которые своей живой наглядностью подкрепили мою работу».

Томас Манн выразил сожаление, что он мало знаком с советской литературой. Он назвал двух советских писателей, творчество которых ему наиболее известно — Алексея Толстого и Илью Эренбурга.

Любопытное дополнение к этому интервью мы находим в письме Томаса Манна к Бернгарду Бенке от 28 февраля 1950 г. Этот бывший немецкий военнослужащий, находясь в советском плену, организовал круг по изучению произведений Томаса Манна. Вернувшись из плена, Бенке отправил Манну письмо с изъявлением своих почтительных чувств и с вопросом: какие еще книги, помимо романа Тургенева, он взял бы с собой на необитаемый остров? Писатель ответил:

«Когда я говорил, что взял бы с собой «Отцы и дети» в числе шести выбранных книг для чтения на необитаемом острове, я этим хотел лишь выразить свое высокое мнение об этом шедевре. Я не думал при этом, какие еще пять книг я взял бы с собой. Что «Фауст» Гёте одна из них, в этом Вы правы. Взял бы что-нибудь Достоевского, «Братья Карамазовы» или «Бесы». И «Войну и мир» Толстого — это Вы правильно угадали...»

В годы после второй мировой войны Томас Манн по-прежнему высоко ценил в русской классической литературе ее нравственную и философскую проблематику, богатство идей, — и по-прежнему, как писатель, особенно живо воспринимал художественную силу русского романа. Будучи сам, по своим склонностям, художником эпическим, он восхищался тем, как умели великие русские романисты проникать в действительность, широко и правдиво ее воссоздавать. Для него постепенно ослабевала острота антитезы «Толстой — Достоевский», так долго его занимавшей. Оба русских классика осознавались им, каждый по-своему (и каждый из них, подчас, рядом с Бальзаком), как гениальные мастера повествовательного искусства.

Книга лирической прозы, полученная от литератора Альбрехта Гёса, заставила Т. Манна вспомнить по контрасту «великанов — Бальзака и Толстого» и задуматься над своеобразием эпоса как рода литературы. В лирических миниатюрах Гёса Манн находил свою прелесть. И он писал автору (16 июня 1952 г.) «Сладостно, должно быть; жить в такой сфере: в сравнении с этим по-

вествователь, работающий в объективной реалистической манере, должен сам себе казаться слишком здоровенным и чуть ли не грубым. Однако признаюсь: высшее выражение жизненности я вижу даже не в драме, а именно в повествовательном искусстве, конечно, там, где оно достигает вершин. Я как раз недавно перечитал «Хаджи-Мурата», а там повествовательное начало прямо-таки гипертрофировано. Боже ты мой, я просто мышонок по сравнению с таким львом. Даже если академии присудят мне несколько международных премий за мои писания, — я и сам знаю, что надо считать великим, а что в лучшем случае средним. Тут остается только — сидеть всем вместе, тихонечко, и смотреть *снизу вверх!*»

В письме к другому адресату, в августе 1953 г., Томас Манн делился свежими впечатлениями: «Читаю вперемежку Достоевского и Бальзака. Какое дикое величие! Хочется голову склонить, когда берешься за «Карамазовых» или за «Блеск и нищету куртизанок». Тут, при всем различии, есть и родство, которое отделяет этих неимоверных художников от всех прочих». И в Достоевском и в Бальзаке Т. Манн видел то, что связует их — не просто «дикое величие», конечно, но и силу «социальног чутья» (как говорится в другом его письме, содержащем развернутую характеристику Бальзака).

Очень важное замечание Томаса Манна (сделанное в письме к Гёсу) о его собственной приверженности к «объективной реалистической манере». Ясно, что он имел тут в виду не просто манеру письма, не тот или иной способ изображения людей и событий, но и нечто более значительное, главный *принцип* художественного творчества. На старости лет он все более осознавал себя сторонником реализма и в обоснование своего взгляда ссылался на мнение «ново-русской», то есть советской критики.

Он писал 19 ноября 1951 г. американскому профессору Г. Хат菲尔ду: «В ново-русской, то есть марксистской критике, «реалистический» значит «соотнесенный с общественной жизнью». Но если так, то разве может хорошее произведение искусства быть *не* реалистическим? Меткость, «подлинность», поражающее нас узнавание действительной жизни — это и есть то, что радует нас в искусстве как в смысле душевном, так и в смысле предметном.. Мы можем стилизовать или творить символы, сколько нам хочется,— без реализма обойтись

нельзя. Он — основа всего, именно в нем залог убедительности».

События послевоенной политической жизни то и дело отвлекали старого писателя от литературных размышлений. С возрастающей тревогой следил он за жизнью Западной Германии, ясно видел, что фашизм там не уничтожен до конца и пытается вновь поднимать голову. Не менее глубоко огорчало Т. Манна начало «холодной войны», тот реакционный курс, который стала принимать политика США после смерти президента Рузвельта. «Охота за ведьмами» коснулась и Томаса Манна: реакционная пресса начала травить его как «коммуниста». В 1952 г. он решил покинуть США и переехать в Швейцарию. Там он мог поддерживать дружеские связи с творческой интеллигенцией ФРГ и ГДР, как бы быть связующим звеном между культурами обоих германских государств.

Еще до переезда в Европу Томас Манн закончил небольшой роман «Избранник», произведение в новом для него роде. Это была обработка средневекового предания о грешнике Григории, который, испытав многое превратностей судьбы, женившись по неведению на собственной матери, впоследствии искупил свою вину и стал римским папой. Роман, написанный в манере юмористической стилизации и пародии, был не так далек от современности, как это могло показаться на поверхностный взгляд. В сказочно-легендарной форме здесь ставились моральные проблемы вины, раскаяния, искупления, которые после краха фашизма волновали многих немцев.

Роман «Избранник» стал одним из поводов к переписке, о которой стоит рассказать особо. В 1950 г. Эбергард Хильшер, гражданин ГДР, студент университета им. Гумбольдта в Берлине, обратился к Томасу Манну с письмом, где задавал вопросы о его творчестве. Студента особенно заинтересовали романы «Лотта в Веймаре», «Доктор Фаустус», а потом и «Избранник», о котором он написал дипломную работу. Томаса Манна привлекла любознательность юноши; видимо, он почувствовал в нем человека одаренного — и дружески отвечал на его вопросы, написал ему в общей сложности двенадцать писем. Теперь Эбергард Хильшер — известный в ГДР писатель и литературовед; его книга «Томас Манн. Жизнь и творчество», где письма Т. Манна даны в виде приложения, вышла уже пятым изданием.

В письме от 5 ноября 1951 г. Томас Манн ответил на вопрос Хильшера: как связан роман «Избранник» с запросами нашего времени? Он писал — с оттенком добродушного юмора:

«Боюсь, что нужно быть лучшим адвокатом, чем я, чтобы апологетически обосновать моральное право на существование такой книги, как «Избранник», в наше время. Ведь все, что Вы говорите об этом времени и его требованиях, — правильно. Я в таком же роде писал об этом много лет назад, к 100-летию со дня рождения Толстого...» И Томас Манн цитирует большой отрывок из своей давней статьи, где излагается взгляд Толстого на обязанности художника по отношению к обществу. «Я разделяю этот взгляд, — пишет он далее, — пусть даже он и Толстого побуждал договариваться до враждебных культуре нелепостей и по моральным мотивам ставить г-жу Бичер-Стоу выше Шекспира, — разделяю сегодня больше, чем когда-либо». По мысли Т. Манна, «искусство при всех обстоятельствах, даже и тогда, когда не претендует на то, чтобы нести общественный факел, может оказать на человеческий дух очищающее, освобождающее, умиротворяющее воздействие». В этом видит Томас Манн смысл и такого произведения, как «Избранник», и других своих произведений, не связанных прямо с задачами дня. Он ценит и такое искусство, которое без прямых поучений, незаметно и как бы шутя, облагораживает, очищает людей. «...Оно заключает в себе духовное начало, и, высмеивая дурное, подрывая корни глупости, оно в конечном счете тоже устремлено к справедливому обществу».

Это письмо Томаса Манна интересно, в частности, и как свидетельство, насколько живы были в его сознании заветы Толстого, его мысли о задачах искусства и художника. В последние годы жизни Томас Манн был убежден более твердо, чем когда-либо, что искусство должно быть проникнуто духом социального служения, помогать людям в их стремлении к «справедливому обществу». Понятно, что сам он выполнял свой общественный долг в той форме и в меру тех возможностей, которые определялись его возрастом, его давно сложившимися писательскими интересами, склонностями, привычками, а они могли подчас и не совпадать с прямыми «требованиями дня». Но примечательно так или иначе, что размышления Томаса Манна о долге художника,

о роли искусства в движении людей к лучшему будущему снова и снова ассоциировались у него с русской литературой.

Не раз Томасу Манну в последние годы жизни приходилось отказываться от участия в конгрессах, собраниях, международных встречах — уже хотя бы потому, что у него на это не хватало физических сил. Но он ни за что не хотел создавать впечатление, будто он стоит на позициях «эскапизма», то есть бегства от общественной жизни. И он писал 31 марта 1954 г. Анне Зегерс, как бы извиняясь: «Боюсь путешествий, ведь мне уже 79 лет, я часто устаю... Притом я плохо гожусь для участия в конгрессах и дискуссиях. Трудно сказать, почему. Может быть, потому, что слишком часто нахожусь в состоянии дискуссии с самим собой... Пожалуйста, не считайте меня человеком эскапизма! Я делаю, что могу, вот только что закончил предисловие к сборнику прощальных писем казненных борцов европейского Сопротивления...»

В этом предисловии Томаса Манна — одной из последних его литературных работ — встает с первых же слов имя Толстого. Герои антифашистского Сопротивления сопоставляются со Светлогубом — молодым русским революционером, героем рассказа Толстого «Божеское и человеческое». В рассказе раскрывается душевное состояние человека, который с чувством глубокого горя и вместе с тем с гордостью, с сознанием своей нравственной правоты идет на смерть. «Все это великий знаток человеческой души делает нашим достоянием, и приходится только удивляться, как много подтверждений безошибочности его психологического чутья можно найти в тех подлинных документах, которые мы предлагаем сейчас вниманию читателей» (10, 501).

И Томас Манн с глубоким восхищением цитирует предсмертные письма казненных антифашистов — француза, чеха, бельгийца, датчанина. Он находит в них те же черты благородства, достоинства, беззаветного самоожертвования, каким наделен у Толстого юный революционер Светлогуб. «...Так вели они себя все в Европе 1943 года, как и за семьдесят лет до того те люди в России» (10, 502). «Можно ли думать», спрашивает Манн в заключение, «что люди напрасно сражались за свободу в Испании, а затем во всех странах Европы, в которых были написаны эти письма? Будущее вберет

в себя и поведет с собою эти принесенные в жертву жизни, в нем они будут расти и зреть» (10, 507).

В том же 1954 г. Томас Манн написал последнюю свою работу о русской литературе — «Слово о Чехове». Здесь, как и в других статьях и письмах Т. Манна послевоенных лет, встает проблема, неизменно волновавшая его, — долг художника, назначение искусства.

Чеховым Томас Манн заинтересовался давно. Об этом говорит его письмо, адресованное в 1917 г. переводчику А. Элиасбергу, который приспал ему сборник рассказов Чехова. «Хочу сказать Вам сегодня же, как порадовал меня Ваш подарок и с какой благодарностью я снова насладился этим искусством, глубоко западающим в душу, здоровым и приятным на вкус, без излишних пряностей, — искусством особенно добротным от того, что оно пренебрегает внешней заостренностью или не обладает ею (лучше добродетель, чем «мораль») ...» Этот краткий отзыв показывает, что особенно привлекало Томаса Манна в творчестве Чехова: отсутствие морализирования, декларативности, нравственно здоровое отношение к жизни, утверждаемое силой художественного изображения, спокойно и неназойливо. Эти свойства чеховского таланта раскрываются и в том анализе, который дает Томас Манн в своем этюде.

Обдумывая эту работу, Т. Манн сопоставлял Чехова со своими любимыми русскими учителями — Толстым и Достоевским — и приходил к неожиданным выводам. В краткости чеховской новеллы, в сдержанности чеховской манеры есть и свои художественные преимущества в сравнении с искусством обоих великих романистов. Манн задумывается над тем, «какую внутреннюю емкость, в силу гениальности, могут иметь краткость и лаконичность, с какой сжатостью, достойной, быть может, наибольшего восхищения, такая маленькая вещь охватывает всю полноту жизни, достигая эпического величия, и способна даже превзойти по силе художественного воздействия великое гигантское творение, которое порой неизбежно выдыхается, вызывая у нас почтительную скуку» (10, 515). В Чехове — человеке и художнике — Томаса Манна необычайно привлекала скромность, отсутствие какой бы то ни было претенциозности. Чехов отвергал «деспотическое проповедничество» — даже и когда оно исходило от человека столь великого,

как Толстой. И сам он, мастер короткого рассказа, сумел дать по-своему широкую, по-своему беспощадную картину жизни. «Все его творчество — отказ от эпической монументальности, и тем не менее оно охватывает необъятную Россию во всей ее первозданности и безотрадной противоестественности дореволюционных порядков» (10, 539).

Томасу Манну глубоко симпатично недоверие Чехова к либерально-гуманистической фразе, ко всяkim самодовольно-реформистским рецептам. Умонастроению Т. Манна в последние годы его жизни был близок чеховский скепсис, связанный с глубокой нравственной тревогой, с постоянной неуверенностью: «Не обманываю ли я читателя, не зная, как ответить на важнейшие вопросы?» (10, 517).

Произведения Чехова наталкивали Т. Манна на размышления о художественной иронии: в этом плане он чувствовал в чеховском творчестве нечто близкое своему собственному. По мысли Томаса Манна, ирония, лежащая в основе искусства — и не только чеховского, — представляет естественную, морально вполне оправданную, реакцию художника на сложность жизни. Ведь в реальной жизни есть много проблем, которые не поддаются быстрому и легкому решению: лучше интонация иронии, легкой неуверенности, чем самоуверенное провозглашение сомнительных истин.

И вместе с тем Томас Манн с большим сочувствием отмечает социальную остроту чеховского творчества. Чехов «осуждал всех бездельников и тунеядцев», он выносил «суровый приговор буржуазно-капиталистическому обществу» (10, 531). «Чехов не имел никакого отношения к рабочему классу и не изучал Маркса. Он не был, подобно Горькому, пролетарским писателем, хотя и был поэтом труда. Однако он напел такие мелодии социальной скорби, которые брали за душу его народ...» (10, 536).

Мечта чеховских героев, например, Саши в «Невесте», — о прекрасном будущем во многом наивна, расплывчата. Но, спрашивает Манн, «нет ли в его мечте о «громадных, великолепнейших домах, чудесных садах и фонтанах необыкновенных», которые поднимутся на месте отжившего, ожидающего своего конца города, чего-то от пафоса строительства социализма, которым современная Россия, несмотря на весь вызываемый сю